

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXV

Ростов
2020

Конец XIV — начало XV века в истории Руси — время новаций

А. Г. Мельник

Все мы теперь живем в условиях инновационного бума. Но так, конечно, было не всегда. Бросая самый общий взгляд на прошлое, можно уловить, что и раньше время от времени происходили подъемы инновационной активности, сменявшиеся более рутинными периодами. Насущной задачей исторической науки является выявление, описание и анализ подобных инновационных подъемов. Одному из них посвящена предлагаемая работа.

Специалисты различных научных дисциплин не раз обращали внимание на те или иные новые явления, возникшие на Руси в конце XIV — начале XV в. Попробуем обобщить наблюдения этих исследователей. Возможно, в результате нам удастся приблизиться к пониманию своеобразия и значения указанного периода отечественной истории.

В конце XIV в. на Руси, а точнее, в Москве, при великом князе Дмитрии Донском (1359—1389) впервые начинается применение огнестрельного оружия. Первое упоминание о таком применении относится к 1382 г.¹

В 1380-е гг. при том же князе в Москве и в Нижегородском княжестве, а потом и в других русских землях начинается чеканка монет, до того, с XII и до конца XIV в., деньги на Руси не чеканили².

В 1392 г. было узаконено по инициативе московского князя Василия Дмитриевича (1389—1425) первое в истории Руси постоянное финансовое обложение Церкви великокняжеской властью. С тех пор Церковь стала участвовать в выплате ордынского «выхода». До того она была освобождена от этого монгольскими ханами³.

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2000. Т. 24. С. 151—152; *Кирпичников А. Н.* Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // Советская археология. М., 1957. № 3. С. 62—63; *Вилинбахов В. Б.* Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963. С. 6, 9.

² *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 26; *Его же.* Монеты — свидетели прошлого. М., 1985. С. 122—134; *Его же.* Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 41—42; *Колызин А. М.* Начало чеканки монет в Москве // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. 443—447. Приношу благодарность П. Г. Гайдукову за консультацию по данному вопросу.

³ *Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Отношение русской церкви к антиордынской

По наблюдениям С. М. Каштанова, в 1390-е гг. в конечном протоколе публичных актов впервые упоминается Москва. Эта инновация связывается с деятельностью митрополита Киприана в период великого княжения Василия Дмитриевича⁴. «Введение Киприаном и под его влиянием в конечный протокол публичноправных актов указания места и даты выдачи документа было не просто результатом следования традициям зарубежной дипломатики, но и сознательным оформлением идеи приоритета Москвы в политической системе русских княжеств. Вообще, включая в грамоты указание места выдачи, Киприан преодолевал традиции как русской, так и византийской дипломатики»⁵.

Впервые на Руси механические башенные часы были устроены по инициативе великого князя Василия Дмитриевича в Московском Кремле афонским монахом Лазарем в 1404 г.⁶ Можно считать, что с этого момента на Руси стало вырабатываться более рациональное отношение ко времени.

С конца XIV в. на Руси входят в более или менее широкое употребление частные акты. До того их применяли лишь эпизодически⁷.

Начиная с конца XIV в., происходят значительные перемены в русской письменности, которые принято называть «вторым южнославянским влиянием». В это время увеличивается количество новых текстов на Руси за счет переводов, выполненных южнославянскими книжниками, происходят изменения в языке и орфографии восточнославянских рукописей — появление и распространение в них среднеболгарских языковых и орфографических особенностей, распространение южнославянских по происхождению полууставных почерков⁸.

На рубеже XIV–XV вв. в памятниках русской деловой письменности и рукописных книгах начинает вырабатываться новый тип письма — скоропись⁹. Считается, что возникновение «скорописи было обуслов-

борьбе в XIII — XV веках (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37. С. 119–123, 128, 130.

⁴ Каштанов С. М. К предыстории идеи «Москва — Третий Рим» // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 262–272.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 281; Радченко Б. Г. Московские часы. М., 1980. С. 8.

⁷ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI в.). М., 1996. С. 83–95. Благодарю С. М. Каштанова за консультацию по данному вопросу.

⁸ Соболевский А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894. С. 3–30; Костюхина Л. М. Русские рукописные книги и книжное письмо рубежа XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Сборник. М., 1983. С. 196; Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 321–337.

⁹ Шульгина Э. В. Русская книжная скоропись XV в. СПб., 2000. С. 43, 81.

лено потребностями в различных сферах деятельности: административной, хозяйственной, правовой и других, а также развитием гуманитарных знаний, ростом потребности в книге, причем в книге не только церковно-богослужебного характера, но и в книге четьей, особенно в сборниках, в которых содержались статьи литературно-исторического характера... Потребность в ускоренном письме привела к появлению скорописи»¹⁰. Однако реализовалась эта потребность не раньше и не позже рубежа XIV–XV вв., когда появились люди, способные к переменам.

Первая ересь на Руси отмечена в Новгороде в 1375 г., ее носителей с того времени стали называть «стригольниками»¹¹. Как видим, они начали действовать несколько ранее самого конца XIV в., но движение стригольников разворачивалось именно в конце данного и начале следующего столетия¹².

Около 1379–1380 гг. монах Стефан, будущий епископ Пермский (умер в 1396 г.), находясь в Ростовском Григорьевском монастыре, изобрел алфавит («азбуку пермскую») для языка коми-зырян и написал вскоре первые книги на данном языке¹³. Это был первый пример создания нового алфавита на территории Руси.

Между 1380 и 1396 гг. Стефан Пермский впервые по личной инициативе осуществил миссию по христианизации коми-зырян, ярко описанную Епифанием Премудрым в Житии этого святого¹⁴.

В том же Житии впервые представлено интеллектуальное общение двух русских людей — монахов Епифания Премудрого и Стефана Пермского. Вот как об этом Епифаний писал после смерти св. Стефана: «Аз же, отче, господине епископе, аще уже и умрѣшу ти, хоцю принести хвалу или сердцемъ, или языком, или умом, — иже иногда живу сущю ти, бых ти досадитель, ныне же похвалитель, иже некогда с тобою спирахся о неких о приключшихся: или о слове етере, или о коемждо стисе, или о строце. Но обаче ныне, поминая твое долготръпение, и твое много-разумье, и благопокоренье, сам ся себе усрамляю и окаю, сам ся обрыдаю и рыдаю: увы мне!»¹⁵. Как видим, Епифаний и Стефан в полемике обсуждали отдельные слова, или места, очевидно, каких-то сакральных текстов. Значит, в то время на Руси был возможен интеллектуальный диалог. Вероятно, в подобных диалогах и рождались идеи некоторых из описанных в данной статье новаций.

Во второй половине XIV в. формируются и в XV столетии становятся

¹⁰ Там же. С. 43, 81.

¹¹ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1. С. 305; ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 235.

¹² См. напр.: Федотов Г. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. М., 2004. Т. 11. С. 108–137.

¹³ Святитель Стефан Пермский / ред. Г. М. Прохоров. СПб., 1995. С. 17, 178–181.

¹⁴ Там же. С. 17, 75–171.

¹⁵ Там же. С. 238–239.

обычными антропоморфные надгробия. Имеются в виду каменные надгробные плиты трапециевидной формы, расширяющиеся в сторону головы погребенного под ней человека. До того соответствующие плиты делались прямоугольными, то есть у них отсутствовали какие-либо признаки антропоморфности. Таким образом, надгробиям впервые были приданы черты сходства с пропорциями человеческого тела. Так был сделан первый шаг к осознанию надгробия как подобия лежащей человеческой фигуры¹⁶.

На рубеже XIV–XV вв. произошли важные перемены в структуре оформления интерьеров русских храмов. В некоторых из них впервые перестают устраивать хоры¹⁷, которые до того на протяжении столетий воспринимались как почти обязательная принадлежность церкви.

В конце XIV — начале XV в. на Руси впервые в алтарных преградах церковью утвердился полнофигурный деисусный чин с расположенной в центре иконой Спаса в силах. Предполагается, что этот чин был порожден художником Феофаном Греком¹⁸.

Около 1408 г. в Успенском соборе Владимира и Московской земле возникает необыкновенно сложный по составу и содержанию высокий русский иконостас, состоявший из местных икон, деисусного, праздничного и пророческого рядов¹⁹.

В начале XV в. ведущее место в московской живописи заняло искусство, которое традиционно связывается с именем художника Андрея Рублева. В данном случае не важно, сам ли Андрей Рублев был автором всех приписываемых ему произведений, или их выполнили какие-то другие мастера его круга. Это искусство обладало небывалым доселе глубоким гуманизмом и человечностью²⁰. В данном отношении оно в русской иконописи осталось непревзойденным.

Согласно Д. С. Лихачеву, на рубеже XIV–XV вв. в литературе Руси утверждается новый — «экспрессивно-эмоциональный» — стиль изображения человека, господствовавший до конца XV столетия. «Если в XII–XIII вв. изображения людей статичны и монументальны, напоминают собой геральдические фигуры, взятые как бы в их "вечном" смысле, то в житийной литературе конца XIV — начала XV в. все движется, все

¹⁶ *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVI вв. М., 1996. С. 99–128.

¹⁷ *Брунов Н. И.* О хорах в древнерусском зодчестве // Труды секции теории и методологии РАНИОН. 1928. Вып. 2. С. 93–97; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1962. Т. 2. С. 358.

¹⁸ *Кочетков И. А.* «Спас в силах»: развитие иконографии и смысл // Искусство Древней Руси: проблемы иконографии. М., 1994. С. 45–68.

¹⁹ *Мельник А. Г.* Основные типы русских высоких иконостасов XV — середины XVII // Иконостас. Происхождение — Развитие — Символика / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000. С. 432–433.

²⁰ *Лихачев Д. С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962. С. 128.

меняется, объято эмоциями, до предела обострено, полно экспрессии. Авторы конца XIV—XV в. как бы впервые заглянули во внутренний мир своих героев...»²¹. «Впервые, хотя еще примитивно и схематично, писатели начала XV в. толкуют о психологических переживаниях своих героев, о внутреннем религиозном развитии святых»²². Наиболее ярким представителем этого направления тогда был Елифаний Премудрый²³.

С конца XIV в. на Руси начинает распространяться церковный Иерусалимский устав, который постепенно сменил более ранний Студийский устав²⁴.

В конце XIV в. на Руси входят в употребление синодики-помянники, предназначенные для утверждения практики регулярной молитвы живых за мертвых²⁵.

С конца XIV в. термин «крестьяне», то есть христиане стал систематически использоваться в грамотах для определения сельскохозяйственного населения, зависимого от монастырей, а в последующем — и всего сельского населения Руси²⁶.

Примерно начиная с середины 1370-х гг., происходит перемена в традиции монашеского имянаречения на Руси. Если раньше при пострижении монашеское имя нарекалось по памяти святого, приходившейся на этот день, то теперь монашеское имя стали давать в соответствии с первой буквой имени постригавшегося²⁷. В конце XIV — начале XV в. данная новая практика, видимо, еще обсуждалась в церковной среде. Тогда на соответствующий заданный ему вопрос митрополит Киприан ответил, что игумены имеют право следовать любой из двух традиций²⁸. Однако указанная новая традиция имянаречения постригавшегося в монахи стала доминирующей с рубежа XIV—XV в.²⁹

²¹ Лихачев Д. С. Избранные работы. В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 80.

²² Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея... С. 17.

²³ Там же. С. 63.

²⁴ Мансветов И. Д. Церковный устав (типикон), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 269—271.

²⁵ Сазонов С. В. О синодике Новгородского Лисицкого монастыря // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. 1992. Псков, 1992. С. 51—53. Благодарю С. В. Сазонова за консультацию по данному вопросу.

²⁶ Каштанов С. М. О происхождении понятия «крестьянин» и его применении в актовых источниках XIV—XVI вв. // Тезисы докладов и сообщений седьмой (кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1964). Кишинев, 1964. С. 64—66. Благодарю С. М. Каштанова за указание на данную публикацию.

²⁷ Сазонов С. В. Монашеское имя Александра Невского и традиция монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 6. С. 18—20.

²⁸ Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 262.

²⁹ Сазонов С. В. Монашеское имя Александра Невского... С. 20.

С рубежа XIV–XV вв.³⁰ или с начала XV столетия на Руси начинает использоваться особый чин «омовения мощей» святых, заимствованный, как предполагается, у южных славян³¹.

На рубеже XIV и XV вв. произошла перемена в выборе мест для захоронения в русских монастырях подвижников благочестия, получивших известность и признание при жизни. Если раньше с середины XII и до конца XIV в. их хоронили внутри храмов, то с начала XV в. утвердилось правило хоронить таких людей за пределами церквей. Этот новый обычай был порожден представлением, укоренившимся к началу XV в., о необходимости подчеркнутого смирения в выборе мест для могил подвижников. Вполне очевидно, что могила вне храма явно уступала по своему статусу могиле внутри него³².

Когда названные выше новации оказались поставленными в один ряд, тогда стало возможно увидеть или ощутить ныне почти неразличимые связи между ними. Некая взаимозависимость, вероятно, существовала между упомянутыми религиозными практиками. В самом деле, вряд ли случайно почти синхронно возникли новый стиль в церковной литературе, синодики-помянники, обычай давать новые имена постригавшимся монахам, как бы связанное с их прежними именами, практика омовения мощей святых, обычай хоронить подвижников благочестия вне храмов, традиция называть сельских жителей крестьянами (христианами).

Всякая более или менее общественно значимая новация приводит к видоизменению привычной картины мира. Можно себе представить, сколь существенно эта картина менялась на Руси в конце XIV — начале XV в., когда такие новшества обрушивались на людей, по средневековым, конечно, меркам, буквально лавиной. Ведь они утвердились на протяжении жизни одного поколения русских людей.

Если взять, например, такую фигуру, как упоминавшийся великий князь Василий Дмитриевич, родившийся в 1371 г. и умерший в 1425 г., то в его раннем детстве еще ничего из вышеперечисленных новаций на Руси не существовало, а к концу его земного пути подавляющая часть из них уже прочно вошла в жизнь. Между прочим, именно во время правления этого князя многие из описанных новаций и возникли. Вряд ли это случайно. Очевидно, он поощрял инновационную активность своих подданных, и в том числе — своим примером.

Поразителен широчайший диапазон указанных новаций: от применения

³⁰ Лисицын М. Первоначальный славяно-русский типикон. Историко-археологическое исследование. СПб., 1911. С. 66, 100.

³¹ Мусин А. Е. Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания // Восточнохристианские реликвии / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003. С. 366.

³² Мельник А. Г. Места погребений избранных подвижников благочестия в русских монастырях в XI–XIV вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 185–188.

огнестрельного оружия и создания первых механических башенных часов до появления нового стиля изображения человека в литературе, новшеств в церковной обрядовой практике и создания высокого иконостаса — одного из центральных явлений древнерусской культуры.

Встает вопрос: осознавали ли люди конца XIV — начала XV в. новизну и явную необычность перечисленных явлений, иначе говоря, воспринимались ли они современниками как новации? Или, напротив, вся их инновационность существует лишь в нашем представлении? Источники свидетельствуют, что по крайней мере часть этих новаций таковыми тогда и воспринималась.

Например, составитель Троицкой летописи в начале XV в. при описании создания башенных механических часов в Московском Кремле особо подчеркнул их новизну и необычность:

«Въ лето 6912, Индикта 12, Князь Великий замысли часникъ и постави е на своемъ дворе за церковью за Св. Благовещениемъ. Сий же часникъ наречется часомерье; на всякий же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколь, размеряя и разсчитая часы нощныя и дневныя; не бо человекъ ударяше, но человеквидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако створено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищено. Мастер же и художникъ сему беяше некоторый Чернецъ, иже отъ Святыя горы пришедый, родомъ Сербинъ, именемъ Лазарь; цена же сему беяше вящше полувторага рублевъ»³³.

Столь же отчетливо обозначил перемену в традиции монашеского имянаречения Епифаний Премудрый в Житии Сергия Радонежского, составленном около 1418 г.: «Игумен же незамедлено вниде въ церковь и постриже и въ аггельский образ, месяца октовриа въ 7 день, на память святых мученикъ Сергия и Вакха. И наречено бысть имя его въ мнишеском чину Сергий: тако бо тогда нарицаху сплоха имена, не съ имени; но вън же день, аще котораго святого память прилучашеся, в то имя прорицаху постригающемуся имя»³⁴.

По словам того же Епифания, как нечто новое и удивительное восприняли современники пермскую азбуку, созданную Стефаном Пермским:

«Он же створи им грамоту нову, азбуку пермскую сложив, счини.

И егда сему бывшу, мнози от человекъ, видевшии и слышавшии, и чюдишася, не точию сущии в Перми, но и по иным градом и землям. Паче же на Москве дивляхуся, глаголюще: "Како съй умееть книги пермския dospети?" и "Откуда сему дана бысть премудрость?"»³⁵.

Большинство из указанных новаций имеет характер заимствований либо у Орды, либо у христианского Востока и Юга, либо у Запада. Значит, русское общество или, точнее, его элита в конце

³³ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 281.

³⁴ Житие Сергия Радонежского, составленное в 1418 г. Епифанием Премудрым // *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1. С. 310.

³⁵ Святитель Стефан Пермский. С. 180.

XIV — начале XV в. обладала гораздо большей, чем раньше, открытостью, она явно была настроена на восприятие чужого и активное его усвоение. Очевидно, эта же открытость облегчала порождение уже не заимных, а и собственных новшеств — таких, например, как высокие иконостасы.

Нельзя не видеть, что центром приема и излучения большинства описанных новаций была тогда Москва. Именно в ней и прилегающих к ней землях впервые эти новшества вошли в жизнь. В связи со сказанным нельзя не вспомнить о вопросе, с давних пор волнующем историков: в чем заключались причины возвышения Москвы и ее растущей тогда силы, определявшей лидерство в «собрании» русских земель. Теперь же становится ясным, что одной из основ ее растущей тогда мощи была большая, чем у других княжеств и земель, способность к усвоению и порождению нового.

Встает вопрос: чем был обусловлен описанный выше всплеск инноваций? Отвечая на него, можно наметить следующий комплекс его причин и предпосылок.

Во второй половине XIV в. ясно обозначилось политическое доминирование на Руси Московского великого княжества, особенно ярко выразившееся в победе над татарами в Куликовской битве 1380 г.

Тогда же происходил рост самосознания русского общества и личностного начала в культуре³⁶. Тот же период ознаменовался культурным подъемом на Руси³⁷.

Во второй половине XIV в. на Руси наблюдался религиозный подъем, сопровождавшийся основанием множества монастырей и углубленной христианизацией русского общества³⁸, что прямо или опосредованно повлияло на повышение степени рациональности мышления людей. Конечно, это была христианская рациональность, притом — сугубо средневековая, но все-таки рациональность.

В конце XIV — начале XV в. на Руси имел место подъем почитания отечественных святых. В частности, это выразилось в многочисленных исцелениях у их гробниц больных³⁹.

Становится ясным, что на рубеже XIV—XV вв. в один узел соединились все эти тенденции, что и породило удивительный взлет инновационной активности. Люди того времени обрели большую, чем до того, внутреннюю свободу. Они гораздо легче, чем раньше, выдвигали новые

³⁶ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея... С. 13, 151; *Его же*. Литература времени национального подъема // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 7.

³⁷ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея... С. 4, 18.

³⁸ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Три века христианства на Руси (XII—XIV вв.). М., 1998. С. 575—576.

³⁹ Мельник А. Г. Социальные функции ростовских святых в XII—XVII веках // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11 (129). С. 78—80.

идеи и решались на проведение их в жизнь. Им легче давался критический пересмотр привычных практик, и религиозных в том числе. Таким образом, конец XIV — начало XV в. — это одна из самых творческих эпох в истории Древней Руси.

В заключение вспомним имена немногих известных творцов и проводников инноваций. Это великие московские князья Дмитрий Донской и Василий Дмитриевич, митрополит Киприан, Стефан Пермский, Епифаний Премудрый, афонский монах Лазарь, Феофан Грек и Андрей Рублев.